

Эфраим Баух

Эффект бабочки

Израиль – Иран

от мира – к войне

от дружбы к ненависти

Книга-Сефер, 2015

Эфраим Баух

**Эффект бабочки. Израиль
– Иран: от мира – к войне,
от дружбы к ненависти**

«Книга-Сэфер»

2015

Баух Э.

Эффект бабочки. Израиль – Иран: от мира – к войне, от дружбы к ненависти / Э. Баух — «Книга-Сэфер», 2015

Очерки, составившие эту книгу, были написаны, первоначально, для газеты. В чем-то они сиюминутны, в чем-то публицистичны... Прошло несколько лет. Уже новый лидер выбран в Иране. Его считают «более вменяемым», с ним ведут переговоры... Уже более страшные и чудовищные в варварстве своем толпы вооруженных фанатиков беснуются по Востоку и всему миру, подползая к границам Израиля... Но мы не стали редактировать, дописывать и переписывать эти тексты. Они уже сами по себе – факт истории. А История не переписывается набело...

© Баух Э., 2015

© Книга-Сэфер, 2015

Содержание

Глава первая	5
18 июля 1977 года	5
4 ноября 1979 года	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эфраим Баух

Эффект бабочки

Израиль – Иран: от мира – к войне, от дружбы к ненависти

Глава первая

Документы, восставшие из небытия

*...Секретные документы необходимо пускать под нож дважды, под разными углами...
Из инструкции.*

Эффéкт бабочки – термин в естественных науках, обозначающий свойство некоторых хаотичных систем. Незначительное влияние на систему может иметь большие и непредсказуемые эффекты где-нибудь в другом месте и в другое время. Так это явление назвал Э.Лоренц: бабочка, взмахивающая крыльями в Айове, способна вызвать лавину эффектов, которые могут достигнуть высшей точки в дождливый сезон в Индонезии.

Из научного исследования о детерминированном хаосе.

*«Небольшие различия в начальных условиях рождают огромные различия в конечном явлении... Предсказание становится невозможным».
Анри Пуанкаре.*

18 июля 1977 года

Одиннадцать дней назад – седьмого дня седьмого месяца семьдесят седьмого года – я впервые в жизни пересек границу страны, в которой пожил более сорока синайских лет. И походил я не столько на композитора Глинку, который плюнул в ее сторону, очутившись за шлагбаумом, сколько на помятого Иону, только что вышедшего из чрева кита, но пребывавшего в этом чреве гораздо дольше, чем пророк.

Поезд шел из Кошице в Братиславу.

На клочке испорченного бланка декларации, сохранившемся в кармане, я записывал возникающие строки. Так закладывают памятную записку под фундамент, на котором начинают расти стены нового пространства жизни, строки, написанные на дымящихся развалинах отошедших лет –

Прощай, страна былых кумиров,
ушедшая за перегон,
страна фискалов без мундиров,
но со стигматами погон.
Быть может, в складках Иудеи
укроюсь от твоих очей —

огнем «возвышенной идеи»
горящих в лицах палачей.

Из сузившейся до мерцательного сердечного ритма щели Чопа, через металлические пустоты вокзала в Братиславе, поезд внезапно вырвался в раздвинувшееся пространство – так внезапно раздвигают смысл жизни – все тот же советский поезд, но уже как бы иной. Даже проводник весь как-то сник и стушеввался.

Своим беспокойным задыхающимся бегом рассекал поезд западную Европу, ее благополучие и сытость, отбрасывая облака, косо и низко идущие на восток, в охваченные хронической паранойей депрессивные пространства России.

В Израиль мы улетали в ночь на десятое июля.

Полицейские машины сопровождали наш автобус сквозь раскинувшуюся в бюргерском сне Вену. Столь привычно и тревожно полицейские, с оружием наперевес по сторонам, вели нас гуськом в темень плоских пространств, к трапу.

Рассвет обозначился в иллюминаторах Средиземным морем.

Воочию я дожил до того места и того мига, когда своими глазами увидел, как воды отделяются от неба. На разреженных высотах, окутанных голубым туманом, над горько-синими безднами вод, пилоты общались с пассажирами по микрофону, подобно ангелам, на древнееврейском языке.

На таких высотах быстро привыкаешь к обыденному звучанию древнееврейской речи, к первому слову Сотворения мира: «Бэрейшит» – «В начале...»

Слово это означает любое начало, пока продолжается жизнь под солнцем, в том числе и миг, когда неожиданно и сразу под крылом возникла полоса берега, море домов прибрежной равнины, летное поле.

Первый взгляд с трапа был брошен в марево средиземноморского июля.

Комом к горлу подступили дальние размыто-синие очертания, единственные в этом месте.

Иудейские горы.

И вот я уже семь дней на этой земле.

В центре абсорбции, в Рамат-Гане, я сплю целыми днями, словно пытаюсь сном одолеть страшный перепад давления.

За снами стоит Франсиско Гойя: измотанный за последний год разум порождает чудовищ.

Властные безликости из отошедшей жизни пляшут вокруг меня, гонят и не «пускают», прельщают предательством, дышат в затылок, угрожают застенком. Они слюнявят мои рукописи в своих издательствах, более похожих на следственные камеры, грозят припечатать, тянут с визой, как вытягивают последние жилы, рассматривают паспорт и так и эдак, как будто до последней секунды подозревают во мне тайного контрабандиста.

Ужас в том, что вся эта камарилья безмолвствует.

Иногда раздается какой-то голос, но говорящий невидим, и слов его нельзя разобрать. Я еще не удостоен достичь того уровня сна, о котором писал великий Рамбам, известный мне по русским источникам как Моисей Маймонид: «Слова в снах от Бога, если звучат ясно и внятно, а произнесшего их увидеть нельзя».

В этот день, часа в два после полудня, я вскакиваю со сна от звуков шарманки из машины мороженщика, испытывая облегчение: я в Израиле, жена – в ульпане, дети – в школе.

Из зеркала взирает на меня существо глазами, опухшими от сна.

Стоит ли записывать сны? Для чего? Для избавления от них? Или, вырываясь из их ирреальности, как из наваждения, стараться записью доказать, что ты всё же существуешь в самом деле?

Впервые собираюсь выйти в Тель-Авив, добраться до Дома писателей по улице Каплан. Еще не до конца проснувшись, пошатываясь, выхожу на улицу, пробуя осторожными шажками незнакомое пространство до первого угла. За углом киоск. В нем – женщина, из-под рукава платья которой промелькивают нестираемые цифры в момент, когда она подает газету. После всего, что она пережила, только такое малозначительное занятие является для нее единственным успокоением, держит в жизни.

Цифры, вытатуированные нацистами, как тавро, которым метят скот, – цифровой или, как сейчас говорят, «дигитальный» код еврейства в XX-м веке.

Три часа дня.

Могу ли я даже догадаться, двигаясь по улице Каплан мимо зданий Генерального штаба Армии обороны Израиля, что где-то, совсем рядом, за этими стенами стенографируется протокол секретной встречи чрезвычайной важности.

Новый министр обороны в правительстве Менахема Бегина, после двадцати девяти лет тщетных усилий, впервые победившего на всеобщих выборах, – генерал Эзер Вайцман встречается представителем Ирана генералом Хасаном Тофиньяном.

Израиль готов передать Ирану созданные им ракеты земля-земля, способные нести ядерные боеголовки.

Ровно через десять лет я прочту опубликованные в мировой печати выдержки из этих стенограмм...

– Поздравляю вас с новой должностью, – говорит Тофиньян.

– Благодарю Вас, мой друг. Семь лет прошло с того момента, как я ушел в отставку с должности министра транспорта, и почти восемь лет, как оставил армию, и должен признаться, что, по сути дела, ничего не изменилось. Только нули после цифр увеличились. Вместо миллионов – миллиарды в бюджете. Ну, и некоторые из моих знакомых больше польсели.

– Такова жизнь.

– Надеюсь, вас не сильно потрясло, когда вы услышали, что мы дали под зад прежнему правительству.

– В общем-то, мы знакомы были с некоторыми членами нового правительства. Вас я знаю много лет. Столько же лет знаком с Даяном. Думаю, главное, что нам необходимо в нашем регионе, это мир и устойчивость.

– Поверьте, с нашим новым правительством шанс на это весьма велик, при всем уважении к прежнему правительству, ибо мы знаем, чего хотим, в отличие от членов бывшего правительства, где у каждого было свое мнение.

– В Иране мы также за единое руководство. Мы думаем, что змей о семи головах никогда не сможет войти в свою нору. Именно по этой причине мы всегда стоим во всем за Его Высочеством, беспрекословно выполняя его приказы. И мы считаем, что нам необходимо всемерно увеличивать мощь сдерживания в регионе, чтобы сохранять безопасность и устойчивость в нашем государстве.

– Вам необходимы ракеты земля-земля...

* * *

Иран тайне начал поставлять Израилю нефть еще в пятидесятые годы, когда был заложен фундамент нефтепровода из Эйлата в Беер-Шеву, а затем – в Ашкелон и Ашдод.

С 1957 укрепляются военные и разведывательные связи. Возник треугольник сотрудничества между Мосадом, турецким TNSS и разведкой Ирана САВАК.

Шестидневная война 1967 года производит неизгладимое впечатление на шаха Ирана. Он буквально преклоняется перед Моше Даяном. С этого года и до 1979, когда шаху пришлось

бежать из Ирана, его дружба с Израилем усиливается из года в год. Соответственно растут закупки оружия у Израиля.

Реза Пехлеви смертельно боится вторжения СССР в Иран.

Официально он солидарен с теми или другими требованиями арабов. На деле же страх перед вторжением русских и ненависть к арабам все более укрепляет его связь с Израилем. По сути, он предоставляет израильской разведке полную свободу действий в ее проникновении в арабские страны с его территории.

Израиль должен предоставлять разработки вооружения, Иран – финансы и полигоны. Речь идет о производстве 122-миллиметровых минометов, орудий, морских ракет дальностью в 200 километров, о совместной разработке современного самолета «Арье», а позднее – «Лави».

С приходом к власти в Израиле нового правительства во главе с Менахемом Бегинным, у представителей Ирана возникают некоторые колебания. Тогда генеральный директор Министерства обороны Израиля профессор Зусман приглашают генерала Тофиньяна посетить Израиль, встретиться с членами нового правительства, ознакомиться основательно с оборонной промышленностью и всеми новшествами вооружения. Гость будет даже присутствовать на запуске новой морской ракеты, уничтожившей цель.

Это произведет большое впечатление на Тофиньяна.

Встреча же его с Вайцманом происходит накануне испытания ракеты. В ней участвуют также Зусман, посол Израиля в Иране Ури Лубрани и другие официальные лица.

– Опыт нас учит, что полагаться мы можем только на себя, – говорит Тофиньян, – и, по мнению Его Высочества, вы здесь, и мы там можем сотрудничать, конечно же, при этом, вы должны показать всему миру, что желаете мира, а вовсе не заинтересованы в войне...

– Последнее, что нам нужно, это война. Я хорошо знаю Бегина. Это мудрый человек. Ему не нужна война, – говорит Вайцман. – Что же касается оружия, мы весьма сильны... Вы, быть может, даже лучше меня знаете, чем мы обладаем в военном отношении. Вопрос в том, сможем ли совместно разрабатывать новые виды оружия или не сможем... К примеру, боевой самолет будущего. Но это требует больших финансовых вложений.

– Знаю, что вы продвинулись во многих проектах. Принципиально мы готовы к сотрудничеству. Но, знаете, ни у одного государства нет достаточно денег на оборону...

– Даже у Ирана? – удивляется Вайцман.

– Даже у Ирана. Мы не хотим разбазаривать деньги. Но, в принципе, мы готовы с вами сотрудничать в деле обороны.

– ...Завтра вы увидите испытание нового оружия. Это удивительная система. Надеюсь испытание будет успешным... Вообще у нас есть различные возможности в использовании ракет, стационарных и передвижных... Мы начали над этим работать в 1962 году... Все ракеты могут нести атомную боеголовку или, естественно, обычную... До 750 килограмм...

– Индусы начали производить боеголовки весом в 600 килограмм.

– Вполне возможно, что ракеты наши способны нести и ядерные боеголовки, – вмешивается в разговор Зусман, – мы потратили на разработку наших сил сдерживания более миллиарда долларов...

* * *

Две встречи представителей Израиля и Ирана привели к тайной поездке Моше Даяна в Тегеран, который в эти дни был министром иностранных дел Израиля, но в Иране воспринимался, как выдающаяся военная личность.

Прилетел он гражданским самолетом.

В парике, темных очках и шляпе его никто не мог узнать.

Представители Ирана требовали полной секретности, чтобы никто в мире не узнал об их связях с Израилем. Были созданы «виртуальные» компании в Швейцарии, от имени которых подписывались все документы.

Однако, все это было раскрыто еще до захвата иранскими студентами американского посольства в Тегеране.

Генерал Антазми, который от имени Тофиньяна отвечал за связи с Израилем, решил уйти в подполье во время первой волны казней армейских офицеров, но затем сам сдался «стражам» и попросил их покровительства в обмен на «швейцарские документы». Он привел их на тайную квартиру, где спрятал копии сотен отчетов и переписки между Ираном и Израилем. «Стражи» горячо его поблагодарили, затем учинили ему в течение двух недель допрос с пристрастием и повесили на одной из площадей Тегерана.

Именно Антазми ранее сообщил американцам об этих сделках. Один из заместителей государственного секретаря США Сайруса Венса срочно вылетел в Тегеран, сообщив иранским властям, что США категорически возражают против этих сделок, особенно касающихся ракет «земля-земля».

Но, в конце концов, все разрешилось к лучшему. Американцы сняли свои возражения.

18 ноября 1977 года в торжественной обстановке была подписана сделка: покупка вооружения Ираном у Израиля на колоссальную сумму денег – миллиард двести миллионов долларов по индексу тех лет.

Генерал Армии обороны Израиля Ицхак Сегев в те дни был военным атташе в Тегеране (автор двух книг. см. список литературы. Прим. автора). Он по сей день хранит авторучку, которой подписал документы в качестве уполномоченного от имени «швейцарской» (со стороны Израиля) фирмы. От имени «швейцарской» (со стороны Ирана) фирмы документы подписал генерал Тофиньян.

* * *

С этого дня военные связи между двумя странами достигли апогея.

Сегев установил глубокие личные связи с высшим командным составом армии Ирана. Командующий войсками специального назначения Хосродар

побывал с тайным визитом в Израиле в декабре 1977 года. Он с гордостью показывал затем коллегам подаренную ему Моше Даяном с весьма сердечной дарственной надписью автора книгу «Авней дерех» (Вехи пути). Израиль создал и обучил иранское специальное подразделение по борьбе с террором. На открытии курса присутствовал командующий сухопутными войсками Ирана генерал Али Убейси. Вечер завершился показом фильма «Операция Энтеббе». После показа иранский генерал со слезами на глазах сказал будущему израильскому генералу Самия: «Это самый впечатляющий фильм, который я видел в своей жизни. Я преклоняюсь перед вашим спецназом. Передайте мою глубокую благодарность Армии обороны Израиля».

Это было время интенсивных визитов в обе стороны.

Даже премьер-министр Менахем Бегин тайно посетил Иран.

На торжественный обед к шаху, до дверей трапезной, Бегина сопровождал Сегев.

Перед дверью Бегин неожиданно обернулся и спросил:

«Уважаемый генерал Сегев, преклонить перед шахом колени?»

«Вы, премьер-министр государства Израиль, и ни перед кем не преклоняете коленей».

«Ну что?» – спросил его Сегев, пришедший после обеда встретить и проводить Бегина в его резиденцию.

«Уважаемый генерал Сегев, – ответил Бегин, – я не преклонил коленей, только поклонился».

Командующий военно-воздушными силами Израиля генерал Давид Иври также посетил Иран. Он почтил могилы еврея Мордехая и царицы Эстер, спасших евреев Персии от Аммана, о чем повествует «Свиток Эстер», включенный в канонический свод ТАНАХа.

Затем был приглашен на одну из военно-воздушных баз Ирана. Поразился электронному оборудованию для тренажа воздушных боев.

«Это стоит не менее полумиллиарда долларов, – сказал он Сегеву. – Никто мне денег таких не даст, чтобы такое создать в Израиле. Может, вы сможете договориться, чтобы наши летчики могли здесь тренироваться?»

Сегев договорился начать тренировки в середине 1979 года.

Но в Иране в это время воцарилась другая власть – аятоллы Хумейни.

4 ноября 1979 года

Я нахожусь в Риме в качестве представителя Еврейского Агентства, и израильского филиала организации Джойнт. Представлять я должен Израиль среди более девяти тысяч беженцев из СССР, в городках Остия и Ладисполи ожидающих разрешения на эмиграцию в США, Канаду, Австралию.

Раннее утро.

Направляюсь безлюдным переулком в офис на улице Витторио Эммануэле. Виа Имперiale вдоль римского Форума насквозь просквозена солнцем. У памятника императору Траяну на скамейке сидит пожилой итальянец: выгуливает собаку. Рядом араб: снял туфли, брюки, остался в кальсонах, припал к траве, молится.

Вдруг, как по мановению волшебной палочки или воистину взмаху крыльев бабочки, площадь Венеции мгновенно забили толпы народа. Демонстрация неизвестно по какому поводу. Остановился транспорт, из всех окон, даже чердачных и слуховых, высунулись лица, крыши покрылись народом. Вынырнула полиция всех красок и оперений – муниципальная, конная, десантники, карабинеры. Меня поволокло в сторону Виа Корсо, откуда слышится рев и грохот барабанов. Тошнота подкатила к горлу тем же страхом, какой я однажды испытал в Москве, в подземном переходе метро под площадью Свердлова в час пик, стиснутый молчаливо прущей толпой равнодушных лиц, где человеческий крик о помощи заглушает стук каблучков и шорох тысяч существ, ползущих, как тараканы. Меня пронесло мимо автобусов, в которых привычные ко всему римляне спокойно читали книги и газеты, а люди продолжали натекал со всех щелей, опьяненные оргией праздного любопытства.

В неожиданно образовавшийся просвет я увидел красное от напряжения лицо толстяка, выкрикивающего лозунги, и двух других, не менее толстых, бьющих палками вовсе не в барабаны, а в измятые баки.

С большим трудом я добрался до офиса, который помещался на третьем этаже многоквартирного дома, и сразу же заметил нечто необычное. Молодые израильтяне, изучающие в Риме медицину, обычно проходившие службу в подразделениях специального назначения Армии обороны Израиля, несли охрану в офисе. Но в эти часы они стояли по всем углам – на улице, на этажах у лифта.

Для всех сотрудников офиса тут же провели инструктаж: как вести себя в случае нападения террористов. Мне, сидящему в отдельной комнате, надлежало мгновенно закрыть дверь на задвижку, выбросить из окна припасенную на такой случай веревочную лестницу, спуститься на крышу соседнего дома, по ней добраться до окна консьержа. Остальные работники офиса из комнат, идущих анфиладой, должны были быстро собраться в последней комнате, где находилась клетка, которая выдвигалась над улицей и с помощью лебедки опускалась на землю.

* * *

Оказывается, в Иране студенты захватили американское посольство.

По итальянскому телевидению идут беспрерывные передачи из Тегерана.

В Риме, у банка на Виа Биссолатти, взорвалась бомба. На экране телевизора видно, как иранские студенты бегут по крыше посольства, врываются без всякого сопротивления внутрь.

Мне надо встретиться с представителем организации Хиас, занимающейся эмигрантами из СССР, в обшарпанной приемной которой какие-то расторопные великовозрастные мальчишки из эмигрантов, вовремя выучившие английский, наводят порядок в толпе. Очередная истерика. Старик – грудь в орденах, – собирающийся к детям, в Австралию, дергается, кричит, подхватывая выпадающий изо рта зубной протез:

«Не за то я ордена получал, чтобы мне в зубы заглядывали, как лошади... чтобы эти подонки указывали мне...»

Его успокаивают. Ему дают валокордин.

Запах бедности и бессилия.

Не верится, что за стенами – золотой, вечный Рим.

Я все еще не могу привыкнуть, что нахожусь в нем, что могу внезапно, в полночь, выйдя из переулка, очутиться перед фонтаном Треви, безводным в этот поздний час, с продрогшими и состарившимися от неожиданно пресекшегося на ночь внимания атлетами, чьи облики на глазурированных открытках будят по всему миру туристскую ностальгию.

На экране телевизора для полуночников концерт певицы Кары, прерываемый короткими новостями.

По Би-Би-Си дремотным голосом диктор рассказывает о демонстрации иранских студентов у американского посольства на аллее Тахте Джамшир в Тегеране. Во главе демонстрантов стоит зубной врач, фанатик палестинского сопротивления, Хабибула Пейман. Запоминаю имя, ибо в начале семидесятых, на Высших литературных курсах в Москве со мной по соседству в знаменитом писательском общежитии на Добролюбова обитал поэт из Таджикистана Хабибула Файзулло.

Обнаружив, что можно беспрепятственно войти в посольский двор, демонстранты врываются в само здание. Среди бесчинствующих и распаленных безнаказанностью студентов особенно выделяется молодой фанатик. Они захватывают персонал посольства и держат их заложниками. Через много лет некоторые из заложников говорят, что этим фанатиком был некий Ахмеди-Нджад, и отличался он особой жестокостью. Сам Ахмеди-Нджад по сей день категорически отрицает это.

Задолго до этого американское разведывательное управление Си-Ай-Эй, в связи с усиливающейся внутренней напряженностью в Иране, решает вывезти из посольского архива значительную часть секретных документов.

Но через несколько месяцев ящики с этими документами возвращают из США, ибо без этих документов невозможно работать.

Век мощных компьютеров еще не наступил.

Решено, что в чрезвычайном случае бумаги будут пущены под нож.

Миг этот наступает.

В панике начинают уничтожать документы, успевая пустить под нож только один раз под одним углом.

Более двухсот пятидесяти студентов рыщет по всем углам и щелям посольства. Они извлекают из мусорных ящиков пущенные под нож бумаги.

В течение двух лет женщины будут трудиться над отбором и склеиванием этих тонких полос, и заново восстановят самые секретные документы США.

До июня 1985 года будет опубликован шестьдесят один том документов. Материалы приводят в шок многих американцев и немалую часть иранцев.

Пять тысяч платных агентов задействовали США в Иране. Причем, из самых высоких эшелонов власти. Публикация имен приводит к массовым казням, которые тут же приводятся в исполнение «стражами революции».

В Си-Ай-Эй накопилась масса материалов. В них не раз предупреждалось, что может случиться в будущем. Работа Си-Ай-Эй в Иране велась на самом высоком уровне. Вашингтон да мельчайших подробностей знал, что там происходит. Но разведка проявила абсолютное непонимание режима шаха, кстати, имея немало осведомителей и среди противников этого режима.

«Стражами революции» будут восстановлены и опубликованы документы, указывающие на особые отношения режима шаха с Израилем с пятидесятых годов, включая подробное опи-

сание разведывательной системы Израиля. Внутренняя структура Мосада и Шабак станет достоянием средств массовой информации.

В том числе – стенограммы встреч Вайцмана и Тофиньяна, переданные последним американской разведке. И если это действительно оригиналы протоколов, то из них вытекает, что Израиль уже тогда производил, держал на вооружении и собирался продать Ирану ракеты земля-земля дальнего действия, могущие нести ядерные боеголовки.

Самое любопытное состоит в том, что имам Хомейни, находясь в ссылке во Франции, гарантировал продолжение нормальных отношений с США. И в первые дни прихода к власти аятолла эти гарантии выполнялись. Разрешено было тысячам американских техников и советников покинуть Иран. Были пресечены попытки просоветского подполья в северном Иране выкрасть секретное оборудование для слежения за исполнением соглашений «Солт».

Захват иранскими студентами американского посольства в Тегеране положил конец этой двусмысленной политике.

Сама эта акция была спонтанной, вызвав весьма туманную реакцию Хомейни.

Но, по истечению нескольких дней, «Революционный совет» официально подтвердил захват посольства. Тем самым он напрямую признал связь между властью и этой акцией.

С этого момента в лексикон аятолла вошло понятие «великого и малого Сатаны» – США и Израиля.

* * *

Последние месяцы 1979 года были весьма напряженными и судьбоносными для всего мира в будущем.

Оранжевая бабочка безобидно помахивает крылышками, вьась вокруг моей головы в солнечно-дремотных садах Боргезе, которые я пересекаю по пути к пансиону на улице Бонкомпанья, где проживаю в эти дни.

Но «эффект бабочки» в те дни достигает апогея.

В июле того года Садам Хусейн становится официальным президентом Ирака, хотя и раньше обладал абсолютной властью в стране. Теперь он уже не просто мнит себя, а реально выступает Навуходносором XX-го века.

Приближается Новый год.

Деревья в Риме иллюминируются ожерельями лампочек.

27 декабря 1979 года Советский Союз вторгается в Афганистан.

Поэтому всех эмигрантов, которые оставили родных и друзей в «империи зла», гораздо больше интересуют кричащие заголовки итальянских газет: Косыгин болен, Суслову делают операцию. Весь мир прислушивается к харканью и кряхтению этих жутких стариков.

Советский Союз с большой тревогой следил за тем, что происходит у его южных границ, в соседних Иране и Афганистане. Явно ощутима опасность проникновения идей радикального ислама в «советские социалистические республики» с мусульманским большинством. Советы решают идти на помощь просоветскому режиму в Афганистане.

Казавшаяся дремлющей и относительно стабильной юго-восточная часть Азии, внезапно, явно по законам «эффекта бабочки», становится взрывоопасной зоной.

Два события – переворот Хомейни в Иране, сбросивший прозападный режим, считавшийся американцами краеугольным камнем региона в глобальной политике США, и вторжение Советов в Афганистан, вызывают в Вашингтоне серьезную обеспокоенность советским захватом всего района Персидского залива, являющегося главным источником нефти Запада.

Именно поэтому американская разведка начинает поддерживать исламское сопротивление советским войскам в Афганистане. Против СССР сплотились вместе с США радикальные исламские группы «Муджахидин», Иран, Пакистан, Китай. «Муджахидин», который открыто

называет своим главным врагом США, вынужден соединить с ними усилия, ибо реальная угроза для него исходит от русских.

В общем-то, Советы верно определили ту опасность, которая для них заключена в подъеме радикального ислама в Иране и Афганистане, но победа «Муджахидина» при поддержке США, наносит колоссальный удар престижу СССР и, несомненно, является одной из веских причин падения советской империи. Победа эта дает возможность проникновения радикального ислама в мусульманские «независимые государства», которые возникнут на развалинах Советского Союза.

Победа эта, при поддержке Си-Ай-Эй, стала основой возникновения движения «Всемирный джихад». Афганские фанатики вместе с добровольцами, которых США собрали со всех концов мусульманского мира, увидели, как можно изгнать такую гигантскую по силе империю, какой был Советский Союз, при помощи успешного террора. Это воодушевление они решили перенести и в другие места после завершения войны в Афганистане. Одним из их лидеров стал, по сути, не великий вояка, но талантливый организатор, строительный подрядчик из Саудовской Аравии по имени Осам Бен-Ладен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.